

Александра, который, узнав о насилиях Шевкала, предсказал его гибель, как возмездие: „да възприимет христіанскій губитель мзду делатель своих, и наполнится мера ему беззаконія его, и сеть, юже простре, да впадетъ в ню. Яко же збытись ему, и възприат нечестіе пути своего, огнем бо попалиша кости церковного борителя“ — ср. в версии Псковской I летописи: „а Шевкал побеже на сени, и Александр зажег отца своего двор и Шевкал с дружиною своею згорев пропаде“. Очевидно, составителю Тверского летописца была известна эта версия предания о смерти Шевкала, так как в Тверском сборнике лишь глухо сказано: „самого Шевкала убиша и всех порядку“, но о пожаре на княжеском дворе не упоминается.

Вместе с тем и активная роль Александра в событиях сближает именно эти версии, хотя начало рассказа Тверского летописца явно связано с редакцией Тверского сборника, в ее не фольклорной части.

Обе тверские редакции, несомненно, относятся к XV в. Но в Тверском сборнике сохранился современный событию рассказ о поводе, вызвавшем восстание, и о народной „замятне“, а в Тверском летописце есть след другого устного предания, которое помнило, что князь Александр зажег „отца своего двор“, и Шевкал с дружиной не был убит, а сгорел там. Третья версия предания, согласно которой не князь, а „Борисовичи“ возглавили восстание, легла в основу песни о Щелкане.

Из трех литературных редакций рассказа об убийстве Шевкала народная оценка этого события лучше всего передана в версии Тверского сборника, единственной, где народное возмущение насилиями захватчиков описано без всякого налета церковной дидактики.

Таким образом и в XIII—XIV вв. передовая историческая литература не отрывалась от народного творчества то сохраняя с ним лишь идейную близость, то прибегая к нему как к народной памяти о событиях или своеобразному способу их художественного выражения. Отбросив мистику религиозно-дидактических истолкований бедствий татаро-монгольского нашествия, эта литература подхватила и довела до высокого совершенства выражение героики народной поэзии, образы мужественных защитников родины от нового врага. В эту суровую эпоху и в лучших литературных изображениях борьбы с татаро-монголами возобладали эпическая гиперболизация воинских картин, создались богатырские образы русских дружинников. Пафос боевой героики в литературе и в народном эпосе имел общую цель — победить овладевшее частью населения отчаяние, пробудить силы сопротивления и укрепить надежду на успешный исход борьбы с захватчиками.

В последовавшие затем мрачные века татаро-монгольского ига народное предание обогащало литературу реалистическими рассказами о народных восстаниях против насилий татарских „баскаков“, о мужественной защите городов против нападений татарских отрядов, о возмущении против князей, в междоусобной борьбе опиравшихся и на